УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

ИВАН ГРОЗНЫЙ И АНДРЕЙ КУРБСКИЙ: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

© 2020 г. А.В. Каравашкин

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук;
Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 23 мая 2019 г.
Дата публикации: 25 марта 2020 г.*

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161

Аннотация: Переписка Грозного и Курбского рассматривается в статье как область конфликта интерпретаций. Споры современников возможны на базе общих конвенциональных моделей в том случае, если они по-разному толкуются участниками дискуссии. Но конфликт парадоксальным образом всегда предполагает и совпадение. Ведь без базовых конвенций невозможна никакая дискуссия. Она может протекать только на почве общего тезауруса, выработанного в границах одного культурно-исторического типа. Грозный и Курбский не только по-разному представляли себе картину Страшного суда, но исходили из характерной для Московской Руси концепции большой эсхатологии. Они не только упрекали друг друга в неправильном понимании жертвенности и христианского мученичества, но и соглашались с тем, что такой подвиг и делает, собственно, христианина христианином. Наконец, мы обнаруживаем в их текстах очевидное стремление приспособлять объяснительные модели религиозной картины мира к истолкованию таких мирских явлений, как государственная власть, военная служба и следование неизменным принципам господства и подчинения.

Ключевые слова: послания, интерпретация, объяснительные модели, мученики, эсхатология.

Информация об авторе: Андрей Витальевич Каравашкин — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, ГСП-3, 125993, г. Москва, Россия.

E-mail: karavash2008@yandex.ru

Для цитирования: Каравашкин А.В. Иван Грозный и Андрей Курбский: конфликт интерпретаций // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 1. С. 148–161.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161

IVAN THE TERRIBLE AND ANDREY KURBSKY: A CONFLICT OF INTERPRETATIONS

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. A.V. Karavashkin

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the humanities, Moscow,
Russia*

Received: May 23, 2019

Date of publication: March 25, 2020

Abstract: The article analyzes correspondence between Ivan the Terrible and Kurbsky as a conflict of interpretations. When founded on the common ground, the debates of contemporaries are only possible if the ideas are interpreted differently by the participants of the discussions. But the paradox of such a conflict is that it always implies some consensus. Indeed, without the common ground, any discussion is impossible. It can only be founded on the basis of a shared language, one developed within the same historical and cultural conditions. Despite coming from a commonly held conception of eschatology in Muscovy, Ivan the Terrible and Kurbsky held different views on The Last Judgment. And in spite of their mutual views on Christian martyrdom as being that which makes a Christian a Christian, they nevertheless accused one another of misinterpreting the act of martyrdom. Finally, we find it evident that both were striving to adapt models of religious philosophy to such earthly phenomena as government power, military service, and the adherence to the unbending principles of supremacy and servitude.

Keywords: epistolography, interpretation, explanatory models, martyrs, eschatology.

Information about the author: Andrey V. Karavashkin, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, GSP-3, 125993, Moscow, Russia.

E-mail: karavash2008@yandex.ru

For citation: Karavashkin A.V. Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky: a Conflict of Interpretations. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 1, pp. 148–161. (In Russ.)
DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-1-148-161

Знаменитое Первое послание Андрея Курбского Ивану Грозному, составленное в апреле 1564 г., вскоре после бегства царского воеводы из Юрьева в Вольмар к польскому королю Сигизмунду II Августу из династии Ягеллонов, вращается вокруг двух тем. Первая тема — мученичество, вторая — Страшный суд. Есть, однако, и еще одна, третья тема. Она логично продолжает первые две. Это тема Антихриста.

Летом того же года царь отвечает на инвективы Курбского простран- ным письмом, имевшим в заголовке указание: «Благочестиваго великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Русии послание во все его великия Росии государство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене» [4, с. 12]. Ясно, что прочитать грамоту, по замыслу составителя, мог не только непосредственный виновник обмена письмами. И окружение Курбского, и довольно широкий неопределенный круг лиц как в России, так и за ее пределами — все они становились потенциальными читателями этого, по выражению Р.Г. Скрынникова, «манифеста самодержавия» [6, с. 95]. Причем манера, которой придерживался в этом случае августейший адресант, выдавала привычную для дипломатических писем шаблонную схему: на каждый тезис обвинения приводился подробнейший ответ, который включал дословное изложение опровергаемых фраз противника. Это была традиция Посольского приказа, ведь по такой схеме велась обширная переписка со многими европейскими странами, в том числе с польско-литовскими дипломатами. Следовательно, Грозный был просто обречен в силу сложившегося эпистолярного обычая коснуться всех упомянутых и весьма неприятных тем: на самом ли деле московский государь проливал кровь мучеников, дол-

жен ли он за это отвечать на Страшном суде, можно ли считать, что монарх действует по наущению темных сил, принимая решение при непосредственном участии Антихриста, который уже пришел и внедрился в окружение великого князя, чтобы совершать свою разрушительную работу?

Грозный не сомневался в том, что вопросы эти важны, достойны обсуждения. И, возможно, беспрецедентность этих обвинений и вынудила царя отвечать Курбскому. Полемика такого плана для Московского царства — случай небывалый, но ведь и повод был исключительным. Никогда отъехавший к врагу воевода не объяснял так развернуто, дерзко и концептуально причины своей измены, и причем в открытом письме. Уже давно введены в оборот свидетельства источников, доказывающих, что о Первом послании Курбского знал широкий круг лиц как в Литве, так и в России [2, с. 304–329]. И само дерзкое письмо Курбского рассматривалось в Москве в качестве важнейшего и неопровержимого доказательства его измены [1].

Показательно, что Курбский в Первом послании в основном клеймит государя за несправедливые деяния, но сам образ мыслей Грозного почти не затрагивает. Первое обвинение относится к пролитию мученической крови: «Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми расторгл еси и *победоносную святую кровь* (здесь и далее курсив мой. — А.К.) их во церквах божиих пролиал еси и *мученическими кровми* праги церковные обагрил еси и на добрых твоих и душу за ты полагающих *неслыханные от века муки и смерти и гонения умыслил...*» [4, с. 7]. Перечисляя свои труды и подвиги, Курбский замечал, что царь их ставит ни во что, платит за верность и храбрость преследованиями. Курбский рассчитывает сказать о своих обидах в день общего Страшного суда: «А писанейце сие, слезами измоченное, во гроб с собою повелю вложить, грядущи с тобою на суд бога моего Иисуса. Аминь» [4, с. 8]. Только в конце (в приписке) князь упоминает того, кто «днесь шепчет во уши ложная царю» [4, с. 9].

Во Втором послании князь подверг уничтожающему разбору саму эпистолярную манеру Грозного, обратил внимание на неряшливость и громоздкость аргументации, замечая при этом, что мог бы ответить на каждое слово, но решает прибегнуть к молчанию: ведь самое главное он скажет в день Страшного суда. Курбский замечал также, что овладел и умением писать кратко, что хорошо обучен и знает сочинения древних авторов.

Полемисту важно было продемонстрировать, что он имеет дело с оппонентом-варваром, сам спор с которым относится к разряду сомнительных предприятий: «А хотех на каждое слово твое отписать, о царю, и мог бы избранне, понеже за благодатию Христа моего и язык маю аттически по силе моей наказан, аще уже и во старости моей zde приучихся сему, но удержажу руку со тростию сего ради, яко и в прежнем посланию моем написах ти, возлагаючи все сие на Божий суд: и умыслих и лучше разсудих zde в молчанию пребыти, а тамо глаголати пред маестатом Христа моего со дерзновением вкупе со всеми избивенными и гонимыми от тебя...» [4, с.102].

Только в Третьем письме, завершенном в сентябре 1579 г., перебежчик обращается, наконец, к существу некоторых обвинений царя Ивана из Первого пространного письма, но выборочно. Так, например, он делает важную оговорку, вспоминая упреки Грозного. Тот, кто не бежит от гонителей, подобен самоубийце: «Аще ли же кто прелютаго ради гонения не бегае, аки бы сам себе убийца, противящеся Господню словеси: “Аще, рече, гонят вас во граде, бегайте во другой”¹» [4, с. 108]. В основном князь делает акцент на том бесчестии, которому подверг царь праведного исповедника Сильвестра и многих мучеников, напоминает о бесславном поражении царя от Девлет-Гирея, когда была сожжена Москва, упоминает взятие Полоцка Баторием, а также пленение некоторых русских воевод перед этим (в 1578 г.). Содержит послание и обширные переводные фрагменты «Парадоксов» Марка Туллия Цицерона, которые цитируются в назидание царю наряду с Житием Николая Мирликийского Симеона Метафраста и Книгой премудрости Иисуса, сына Сирахова. В письме выражена надежда и на покаяние царя: «Очутися и воспрями!» [4, с. 118]. В целом тональность и концепция этого текста свидетельствуют о том, что он создавался или в момент, когда у Курбского уже складывался замысел «Истории о великом князе Московском», или непосредственно во время работы над этим монументальным историческим текстом, включавшим мартиронолог новоизбивенных мучеников.

Иными словами, для Курбского Грозный — в первую очередь царь-мучитель, подобный деспотам древности. Он опасен не силою убеждения, которая отличает праведников, а преступными деяниями. То есть князь

1 Мф. 10: 23.

Андрей делает все возможное, чтобы не играть на одном поле со своим противником, по любому поводу он выводит деспота за пределы рациональной полемики, стараясь подавить его эрудицией и учеными выписками. Впрочем, здесь Курбский последовал за самим Грозным, который в Первом письме продемонстрировал не только широчайшее знание скриптурных текстов, но и владение фактологией летописей и хронографов, назидательными примерами душеполезной литературы.

Царь Иван между тем не ограничивался отсылками к авторитетным сочинениям, находил у оппонента такие ключевые микросюжеты и тезисы, обсуждение которых в конечном счете обнажало мировоззренческий конфликт спорящих.

То есть Грозный улавливает в аргументации своего оппонента самое существенное. И именно по этим фундаментальным принципам он и наносит основной удар, подвергает философию и обличительный пафос Курбского *деконструкции*, выбивает у противника почву из-под ног. И в этом автор пространного ответа 1564 г. весьма последователен.

Грозный судит Курбского и за отъезд (намерение причинить вред Русскому государству), и за сам образ мыслей: «Тако ли убо навькл еси, кристиянин будучи, кристиянскому государю подобно служити? И тако ли убо честь подобна воздаяти от Бога данному владыце, яко же ты бесовским обычаем яд отрыгаеши?» [4, с. 15]. О том, что Курбский опасен не столько переходом на сторону врага, сколько своими ложными утверждениями и разоблачительными текстами, державный полемист заявляет прямо: «Аще ти с ними воеватися, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестиян погубляти; аще и руками где не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоносного много сия злобы сотвориши» [4, с. 13].

Показательно, что это *мыслепреступление* затрагивало базовые, ключевые конвенциональные модели Средневековья, такие типичные объяснения, которые лежали в основе картины мира средневекового человека.

Начнем с мученичества. Еще А.М. Панченко отмечал: «Для традиционалистов больше всего характерен тип мученика, страдальца» [8, с. 49]. Представление о мучениках за веру получило широкое распространение в средневековой Руси. В ту эпоху подвиги «мучеников» и «страстотерпцев» не различали терминологически, хотя уже на страницах «Степенной книги» применительно к мученикам за Христа последовательно используется обо-

значение «исповедник» (таков был, видимо, узус XVI столетия) [3, с. 521–523]. Не стоит говорить, насколько был важен институт мученической святости для Средневековья. Показательно, что Курбский стремился применить идею мученичества именно к тем, кто пострадал от тирании Ивана IV (в дальнейшем он разовьет эту параллель и сделает ее одной из ведущих тем «Истории о великом князе Московском»). При этом Курбский ставит себя в положение жертвы и отождествляет фактически с теми невинными страдальцами, которые обличают тирана, находясь у престола Господня: «Что провинили пред тобою и чем прогневали тя кристьянскиеи предстатели? Не прегордые ли царства разорили и подручны тебе их во всем сотворили, у них же прежде в работе были праотцы наши? Не предтвердые ли грады ерманские тшанием разума их от Бога тебе данны быша? Сия ли нам, бедным, воздал еси, всеродно погубляя нас?» [4, с. 7].

Слово «предстатель» имело в памятниках средневековой Руси несколько значений: ‘предстоящий’, ‘заступник’, ‘выступающий впереди войска’ [7, с. 211]. Каждое из этих значений могло быть здесь реализовано. Побитый без правды у престола Господа взывает об отмщении: «Не радуйся о сем, аки одолением тощим хваляся; разсеченныя от тебе, у престола господня стояще, отомщения на тя просят, заточенные же и прогнанные от тебе бес правды от земля к богу вопием день и ночь на тя!» [4, с. 8]. Одновременно «предстатель» может быть покровителем-заступником, подобным Федору Ростиславичу Ярославскому и Смоленскому, которого Курбский вспоминает в переписке (в том числе и в связи с попыткой Грозного разобратся, кому же на самом деле покровительствует святой). К тому же многие жертвы террора Ивана Грозного князь представит в качестве праведных страдальцев. Опричнина в этом смысле становилась демонической мистерией «кромешников» («опричь» — кроме), которые выступали в роли темных, антихристианских сил. Ну и поскольку речь идет о ратных подвигах, здесь можно предполагать и военачальников, «сильных во Израили» [4, с. 7]. То есть Курбский пишет о мучениках, родственных ему по характеру деятельности и социальному статусу: «Пред войском твоим хожах и исхожах и никоего тебе безчестия приведох, но развее победы пресветлы помощью аггела Господня во славу твою поставлях и никогда же полков твоих хребтом к чюжим обратих, но паче одоленья преславна на похвалу тебе сотворих» [4, с. 8].

Грозный опровергает интерпретацию мученического подвига, предложенную Курбским. Именно этот пункт полемики позволит обвинить воеводу-перебежчика в «ереси», в том смысле, как понимал это слово царь. Не будем забывать, что речь идет о специфическом грозненском богословии власти.

Мучитель и мученики дополняют и предполагают друг друга. Царь и хочет выяснить, есть ли на Руси настоящий мучитель и есть ли настоящие мученики.

Иван IV объясняет свои действия как защиту от неверных слуг, которые всегда угрожали ему и его царству. Иными словами, государь в этой системе координат рассматривается не как мучитель, а как строгий земной судья, которому слуги обязаны повиноваться. Тот, кто карает за преступление, не мучитель, а тот, кто получает по заслугам, не мученик. Если же христианин, вместо того чтобы претерпеть до конца, спасается бегством, отвергает крестное целование и готов служить противникам государя, то он только свидетельствует о нечистоте своих помыслов, о желании прилепиться к «сладости» мира сего. Такой слуга думает о временном, а не о вечном: «Убиенных же по своим изменам у престола владычня предстоящи, како убо возможно есть, паче же и человеком неведомо. Вы же изменники, аще вопиете без правды и не приемлете, яко же выше реченно есть, понеже сластей ради просите» [4, с. 96]. Недаром царь ставит в пример Курбскому его раба Василия Шибанова, который, «при смертных вратех стоя» [4, с. 15], не отрекся от своего господина.

Но царь пошел и дальше. Не отказывая себе в естественной слабости, «играх» и греховности, присущей любому смертному, он видит «ересь» Курбского в попытке подняться над человеческим естеством. От государя князь требует исключительной чистоты, что противоречит самой идее дуализма самодержавной власти, соединяющей небесное и земное, а от преступников и неверных слуг — несвойственной им роли обличителей, судей и даже наставников, что, разумеется, Иван IV отвергал, считая подобного рода концепцию проявлением настоящего церковно-государственного отступничества. Кроме того, царь упрекает своего бывшего воеводу в непоследовательности и лицемерии: «И сие убо навацкое и фарисейское мудрствуеши: наватское убо, еже выше естества человеческого велиши человеком быти; фарисейское же, еже, сам не творя, иным повелевавши творити» [4,

с. 16]. Сравнивая Курбского с ересиархом Наватом, Грозный утверждал, что таким образом перебежчик погубил не только свою душу, но и души своих предков: иными словами, измена Курбского вменяется всему его роду.

В идеализации так называемых мирских мучеников (пострадавших изменников) Грозный видел обожествление человека или человекобожие, попытку применить к греховному естеству несвойственные ему добродетели, своего рода идолопоклонство: «Ты же на изменных и тленных человек, не токмо человеческую высоту восхищая, покладаешь, но Божию славу восхищаешь! Подобно еллином иступив ума неистовишися, бесному подобяся; по своей страсти тленных и изменных человек похваляешь, избирая, яко же еллины свои богов почтоша!» [4, с. 36].

Итак, никаких мучеников-предстателей в Русском государстве нет [4, с. 26], а те, которых возвышает Курбский, мучились «незаконно», т. е. не за веру: «Како же не стыдишися злодеев мученики нарицати, не разсуждая, за что кто страждет? Апостолу вопиюще: “Аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается”²; божественному убо Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим: мучими бо суть татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодеи: такови убо не блажени, понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради. Божественному апостолу Петру глаголющу: “Лучши бо благое творя пострадати, неже злое творя”³. Видиши ли, яко везде не похваляет злотворящих мучения?» [4, с. 18]. У мнимого праведника была возможность убедиться в своей праведности — пострадать от царя, который обладает прерогативой Божественной власти и наказания: «Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, про что не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити?» [4, с. 14]. По мысли исследователей, тут и проходит граница между двумя мнениями: «Грех Курбского в глазах Ивана не в том, что князь бежал за рубеж, а в том, что он бежал от царского гнева» [9, с. 72].

Курбский в Первом послании 1564 г. писал: царь ведет себя так, словно принадлежит к «небытной» ереси, не боится смерти, потому что не верит в бессмертие, предполагающее суд и воздаяние в загробном мире. Грозный возражает: я не только готов предстать перед неподкупным судьей,

2 2 Тимоф. 2: 5.

3 1 Петр. 3: 17.

но верю также в прижизненное осуждение и наказание. Отсюда недалеко было до любимой темы царя Ивана, утверждавшего, что миссия мирской власти состоит в том, чтобы «страхом спасать»: «Аз же исповедаю и вем, яко не токмо тамо мучения, иже зле живущим и преступающим заповеди божия, но и здесь праведнаго божия гнева, по своим злым делом, чашу ярости Господня испивают и многообразными наказании мучатся, по отшествии же света сего, горчайшее осуждение приемлюще, ожидающе праведнаго судища Спасова, по осуждении же безконечная мучения приемлют. Сие аз верую Страшному судищу Спасову» [4, с. 39].

Также решительно разоблачает царь концепцию суда-тяжбы, которую пытался обосновать князь Андрей уже в Первом письме [5]. Главное обвинение состоит здесь в том, что изменник взял на себя ответственность предвосхищать Страшный суд, заранее предвидя его характер и результат. Но у Курбского нет такого права, да и самой возможности прозревать вечное он лишен: «Почто ж и учитель ми еси, душе моей и телу моему? Кто убо ты постави судию или владателя надо мною? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшнаго суда? Апостолу Павлу глаголющу: “Како убо веруют без проповедающаго, и како же убо и проповедуют, аще не послани будут?”⁴ Сие убо бысть в пришествие Христово: ты же от кого послан еси? И кто ты рукополагал яко учительский сан восхищаеши?» [4, с. 19].

Показательно, что царь Иван обнаруживает в аргументации Курбского слабое звено, относящееся к игнорированию христианской системы ценностей. Бежавший к польско-литовским противникам воевода писал не только царю. Его послание имело характер текста, рассчитанного на Страшный суд, содержало все признаки предсмертного исповедания, вплоть до обещания явиться с грамотой к высшему Судье, чтобы жаловаться на обидчика (Курбский пишет, что завещал положить письмо в гроб). Царь довольно эффектно парировал эту страшную угрозу: долг христианина — уйти из мира, простив врагов; тот же, кто не только подменяет высшую волю волей человеческой, но и на смертном одре таит злобу и жаждет отмщения, устремляется к окончательной гибели. Таким образом, предсмертное письмо изменника по сути своей не богоугодно, усугубляет греховность пишущего; такого не следует даже отпевать по церков-

ному обычаю: «А еже свое писание хочещи с собою во гроб положить, се убо последнее христианство свое отложил еси» [4, с. 46]; «Еже убо Господу повелевшу еже не противитися злу, ты же убо и обычное, еже невежда имут, конечное прощение отвергл еси; и посему убо несть подобно и пению над тобою бытии» [4, с. 97]. Тут вполне допустима аналогия с отчаянием, которое охватывает самоубийц: немирная кончина предполагает обвинение, адресованное то ли Творцу, то ли другим людям; она отмечена гордыней, крайним несмирением.

Наконец, намеки на близость Антихриста к окружению царя получают в Первом пространном послании Грозного краткое, но весьма выразительное опровержение. Царь этим пассажем подводит итог всей полемике, возвращая инвективы Курбского по праву победившей стороны: «Антихриста же вемы: ему же вы подобная творите злая советующе на церковь Божию. О сильных же во Израили и о разлиянии крови выше писах, потоки же никаким не творим, паче же сами вы супротивословия не приемлете, но паче потоки любите. А еже синклита, от преблужения роженна, не вем: паче же в вас есть таковой» [4, с. 47].

Итогом наших наблюдений может стать следующий вывод: каждый культурно-исторический тип определяется устойчивыми шаблонами объяснения фактов или конвенциональными моделями, такими общепринятыми ментальными установками, которые субъект культуры не выбирает. Последний приходит в мир и формируется в тот момент, когда эти модели активно воздействуют на общество и эксплуатируются этим обществом. Срок этих моделей недолговечен. Они остаются в прошлом вместе с той эпохой и той интеллектуальной средой, которые вызвали их к жизни. Но в момент своей активности они обладают колоссальным воздействием на сознание. Человек просто обречен на то, чтобы принимать их как нечто безусловное и не требующее доказательств. Тем не менее детерминизм этих типичных объяснений не абсолютен. Они не копируются рабски. Кроме социальной конформности, человек обладает и способностью к творчеству, к обновлению набора транслируемых стереотипов. Все априорное он может переосмыслить, наделить новым содержанием, так его интерпретировать, что от изначального смыслового наполнения моделей остается только их семантическое ядро, которое обрастает новыми значениями и коннотациями.

Фактически перед нами два разных способа вести полемику. Курбский придерживался сугубо *риторической* манеры. Его главной целью было создать негативный образ неблагодарного тирана, и одновременно он стремился вызвать сочувствие, представить себя и подобных себе жертвами произвола и несправедливости. Подобного рода ламентации были окрашены у него в религиозные тона (отсюда частое упоминание Страшного суда, концепт «мученичества», интонации предсмертной исповеди). Смысл этой манеры заключался в том, чтобы добиться *убедительности*. Конечно, Курбский стремился порой оценивать и аргументацию своего оппонента. И все же главным для него был путь от формы текста к личности его создателя. Вот почему даже литературная сторона текстов князя волнует порой больше, чем существо спора. Для него почти не существует чужой логики, иной точки зрения. Зато ему очень важно подать себя с выгодной стороны.

Позиция Грозного диаметрально противоположна. В полемике он вездлив и памятен, цепляется буквально к каждому слову, его интересует сам строй мыслей противника. Любые противоречия Курбского он стремится усилить, довести их до абсурда. Главной его целью становится обнаружение двойных стандартов. Стихией царя в полемике была именно *доказательность*. Причем царь склонен даже невыгодные для себя моменты превращать в серьезный тезис, подтверждающий изначальную правоту. Например, жестокость власти для царя — безусловная вещь. Он ее не отрицает. В союзники он берет и императора Константина, повинного в сыноубийстве, и святого Федора Ростиславича, который устроил кровопролитие на Пасху. Не любовь к власти (она не нуждается в любви), а подчинение — вот что важно царю Ивану. Здесь уже на первом месте не риторика, а суровая реальность. Царь склонен к обесцениванию возвышенного, к приземленной манере вести дискуссию.

Споры современников возможны на базе общих конвенциональных моделей в том случае, если они по-разному интерпретируются участниками словесного поединка. Но конфликт парадоксальным образом всегда предполагает и совпадение. Для идейных и эстетических дискуссий необходима, несмотря на все отличия, общая платформа убеждений и ценностей. Ведь разногласия оппонентов должны, несмотря на антагонистические расхождения, иметь единую почву, общий исток, существенную культурную соотнесенность. История русской книжности XVI в. на примере Переписки

Ивана Грозного с Андреем Курбским, на наш взгляд, доказывает это правило с максимальной очевидностью.

Список литературы

- 1 *Ерусалимский К.Ю.* «Грамоту писал невежливо»: Книжное творчество и безумие в России XVI–XVII вв. // Новое литературное обозрение. 2017. № 4 (146). С. 123–143.
- 2 *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского. М.: Знак, 2009. Т. I. 881 с.
- 3 *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). Изд. 2-е, доп. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.
- 4 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. Л.: Наука, 1979. 432 с.
- 5 *Сергеев В.М.* Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского // Методика по изучению источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. С. 118–130.
- 6 *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М.: Наука, 1983. 250 с.
- 7 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1992. Вып. 18: (Потка — Пренаальный). 290 с.
- 8 *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. 464 с.
- 9 *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 54–78.

References

- 1 Erusalimskii K.Iu. "Gramotu pisal nevezhlivo": Knizhnoe tvorchestvo i bezumie v Rossii XVI–XVII vv. ["Wrote Literature Impolitely": Book Writing and Madness in Russia of the 16th–17th Centuries]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no 4 (146), pp. 123–143. (In Russ.)
- 2 Erusalimskii K.Iu. *Sbornik Kurbskogo* [Collection of Kurbsky]. Moscow, Znak Publ., 2009. Vol. I. 881 p. (In Russ.)
- 3 Karavashkin A.V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [The Literary Custom of Ancient Russia (11th–17th Centuries)], 2nd ed. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2018. 720 p. (In Russ.)
- 4 *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky], ed. by Ia.S. Lurie and Iu.D. Rykov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 432 p. (In Russ.)
- 5 Sergeev V.M. Struktura teksta i analiz argumentatsii pervogo poslaniia Kurbskogo [Text Structure and Analysis of the Argument of the First Message of Kurbsky]. *Metodika po izucheniiu istochnikov po istorii russkoi obshchestvennoi mysli perioda feodalizma* [Methods for Studying Sources on the History of Russian Social Thought of the Feudal Period]. Moscow, Institut istorii SSSR AN SSSR Publ., 1989, pp. 118–130. (In Russ.)
- 6 Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 250 p. (In Russ.)
- 7 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language, 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1992. Issue 18. 290 p. (In Russ.)
- 8 Panchenko A.M. *O russkoi istorii i kul'ture* [About Russian History and Culture]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 464 p. (In Russ.)
- 9 Panchenko A.M., Uspenskii B.A. Ivan Groznyi i Petr Velikii: kontseptsii pervogo monarkha [Ivan the Terrible and Peter the Great: the Concepts of the First Monarch]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 37, pp. 54–78. (In Russ.)